

ЮРОДСТВО В ДРЕВНЕЙ РУСИ

В жизни русского народа имеется феномен, который по праву считается национальным, присущим культуре только лишь православной Руси. Речь идет о юродстве. Юродство - сложный и многоликий процесс Древней Руси. Оно занимает промежуточное положение между смеховым миром и миром церковной культуры. Без церкви юродство невозможно: в Евангелии оно ищет свое нравственное оправдание, берет от церкви тот дидактизм, который для него характерен. Но юродивых также не было бы и без шутов и скоморохов. Юродивый балансирует на грани между смешным и серьезным, олицетворяя собой трагический вариант смехового мира.

Русское юродство ведет свое начало от Исаакия Печерского (умер в 1090 г.) о котором повествует Киево-Печерский патерик. Затем, вплоть до XIV в. источники молчат о юродстве. Его расцвет приходится на XV первую половину XVII столетия. В житейском представлении юродство непременно связано с душевным и телесным убожеством: нагой и безумный человек бродит по улицам и площадям, «ругаясь миру». Это заблуждение. Не всякий юродивый безумен. Следует различать юродство природное и юродство добровольное (Христа ради). Как указывает Д.С. Лихачев, это различие пыталась проводить и православная традиция¹. Дмитрий Ростовский, излагая в своих Четьих - Минеях биографии юродивых, поясняет, что юродство – это «самоизвольное мученичество», что оно и «является извне», что им «мудре покрывается добродетель своя перед человеки»².

По определению И. Ковалевского «Юродство – добровольно принимаемый христианский подвиг из разряда так называемых «сверхзаконных» не предусмотренных иносекскими уставами (*opera supererogatoria*)³. Классический юродивый – протестующий одиночка. Такой тип обличителя вообще характерен для средневековой культуры, например, в средневековой испанской литературе аналогичную функцию выполняли хуглары. В житиях мы можем найти множество примеров, доказывающих, что среди юродивых было множество вполне разумных людей.

Приведем два характерных примера: один касается грекоязычного мира, другой – Руси.

Психаст Савва Новый «имел намерение пройти через все роды жизни, ничего из этого не оставив, сколько это от него зависело,

¹ Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Паньрко. Смех в Древней Руси Л, «Наука» 1984, с. 96.

² Дмитрий Ростовский, Четьи Минси, июль, л 365 об, 367.

³ Ковалевский И. Юродство. Христе и Христа ради юродивые. Изд. 2-е М., 1900, С. 103. примеч. 1

неизведанным и неиспытанным»⁴. Решив посвятить себя на время подвигу юродства, который он считал одним из высших, заключающих сокровенную мудрость, Савва вел типичную для юродивого скитальческую жизнь. «Не как попало и необдуманно мудрый прикидывался дураком, подобно некоторым, которые обманывали себя, не прикидываясь только дураками, но будучи ими, и, вместо того, чтобы смеяться над демонами и миром, сами подвергали себя насмешкам, ибо, еще не будучи в состоянии подчинить бессловесное души разуму и не предавшись всецело добру, они ... низвергались легко в страсти, бесстыдно поступая и говоря, словно безумные. Не так великий Савва»⁵.

Специфическим в юродстве Саввы было то, что будучи убежденным психастом, он исполнял одновременно и обет молчания (впрочем это было исключением из практики юродства), что приносило ему дополнительные тяготы. Впоследствии Савва Новый отказался от юродства и вернулся к иноческой жизни.

Второй пример касается любимого ученика, земляка и духовного сына Протогона Аввакума – юродивого Авраамия. Он приобрел известность как ревностный защитник старой веры во время и после собора 1666-1667 гг., осудившего и сославшего вождей раскола. Юродивый, которого хорошо знали и любили в Москве, боролся с никонианцами устной проповедью. Сидя в заточении у Николы – на – Угреме, Аввакум так писал своему верному ученику «Любо мне, что ты еретиков побеждаешь, среди торго их, псов, взущаешь»⁶.

Надев монашеский клобук, Авраамий взялся за перо, причем творил не только в прозе, но и писал стихи.

Жизнь Саввы Нового и судьба Авраамия доказывают, что слабоумие юродивых, их духовное убожество - не общее правило. Нельзя заподозрить в слабоумии образованного психаста или крамольного мыслителя, вождя московской старообрядческой общины.

Итак, среди юродивых были не только душевно здоровые, но и интеллигентные люди. Юродство действительно могло быть одной из форм интеллигентного и интеллектуального критицизма⁷.

В юродстве можно найти много общего с античным кинизмом. Жизнь юродивого, как и киника – это сознательное отрицание красоты, опровержение общепринятого идеала прекрасного, точнее говоря,

⁴ Филофей. Житие и деяние Саввы Нового. Пер. П. Радченко. М., 1915, с. 59.

⁵ Там же. Стр. 42-43.

⁶ См. Малышев В. И. Три неизвестных сочинения Протокола Аввакума и новые документы о нем. Доклады и сообщения филологического факультета Ленинградского университета, вып. 3. Л., 1951. с. 253.

⁷ Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Понырко. Смех в Древней Руси. Ленинград. «Наука» 1984. с. 80.

перестановка этого идеала с ног на голову и возведение безобразного в степень эстетически положительного.

«Юродство – есть своего рода форма, своего рода эстетизм, но как бы с обратным знаком»⁸.

В юродстве словно застыла та эпоха, когда христианство и изяшные искусства были антагоническими категориями. Юродивые, как и киники стремятся достичь духовной свободы. Их цель - благо, а благо не может зависеть от плотской красоты. Впрочем благо не вытекает и из безобразия, поэтому в кинизме и юродстве столь отчетлива полемическая заостренность против общепринятых норм поведения.

В юродстве можно выделить 2 части: активную и пассивную. Пассивная часть его, обращенная на себя – это аскетическое самоуничтожение, мнимое безумие, оскорбление и умерщвление плоти. Активная сторона юродства заключается в обязанности «ругаться миру», то есть жить в миру среди людей, обличая пороки и грехи сильных и слабых и не обращая внимание на общественные приличия. Более того, презрение к общественным приличиям составляет нечто вроде привилегии и неперемного условия юродства. Юродивый не считает с условиями места и времени, «ругаясь миру» даже в божьем храме, во время церковной службы.

Две стороны юродства, активная и пассивная как бы уравновешивают и обуславливают одна другую: добровольное подвижничество, полная тягот и поношений жизнь дает юродивому право ругаться горделивому и суетному миру. Тяготы юродства, его «безобразие» - это одновременно и плата за позволение обличать. Провозглашая нагую истину, голую правду, юродивый как бы сообразуется с пословицей «Не грози щуке морем, а нагому - горем». В этом отношении юродивые могут быть сопоставлены с институтом европейских шутов. Еще Кретьен де Труа в «Персевале» отметил две черты шута, которые непременно приписываются и юродивому – дар предвидения и неприкосновенность. Однако между шутами и юродивыми есть принципиальная разница. Шут лечит пороки смехом. Юродивый провоцирует к смеху аудиторию, перед которой разыгрывает свой спектакль. Этот «спектакль одного актера» по внешним признакам действительно смешон, но смеяться над ним могут только грешники (сам смех греховен), не понимающие сокровенного «душеспасительного» смысла юродства. Рыдать над смешным – вот благой эффект, к которому стремится юродивый.

Юродство относится к разряду зрелищ. Агиографы настойчиво подчеркивают, что наедине с собой юродивый не юродствует. Ночью юродивый молится, на людях – никогда. Наедине с собой или с доверенным человеком он не безумен. Днем он на людях, на улице, в толпе. Всякое

⁸ Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского, Изд. 3-е. М. 1972. с. 337

людное место становится для юродивого сценической площадкой. Юродство обретает смысл только если разворачивается в толпе, на глазах у людей. Без наблюдателей оно попросту невозможно. Зритель в картине юродства не менее важен, чем центральный герой (сам юродивый). Зрителю предназначена активная роль. Юродивый не только актер, но и режиссер. Он руководит толпой, превращая ее в марионетку, некое подобие коллективного персонажа. По внешним признакам «спектакль» юродивого сродни скоморошьему. Однако если скоморох увеселяет, то юродивый учит. В юродстве смеховая оболочка скрывает дидактические цели. Юродивый – посредник между народной культурой и культурой официальной. Он объединяет мир смеха и мир благочестивой серьезности (как в европейском театре средних веков объединялись смех и драматизм), балансирует на рубеже комического и трагического.

«Подвиг» юродства парадоксален – эта парадоксальность предопределяется парадоксальностью юродственного зрелища⁹. Эта парадоксальность была зафиксирована стилистически в оксюмороне «мудрейшее юродство».

Итак, рассмотрим основные парадоксы юродства.

I. Избирая подвиг юродства, человек «укорени приемлять и биение»¹⁰. Это выдержка из жития Исидора Ростовского Твердислова и одновременно стереотипная формула в агиографии юродивых. Парадокс состоит в том, что юродивый вовсе не стремится избежать этого «биения и пхания». Исполненное тягот и поношений юродство в древнерусских источниках уподобляется крестному пути Иисуса Христа.

II. Юродивого мучают, хотя должны благоговеть перед ним. Это «парадокс зрителя».

III. Другой парадокс, «парадокс актера», заключается в том, что сам юродивый вводит людей в соблазн и в мятеж, в то время, как по условиям подвига он обязан вести их стезей добродетели.

IV. Нагота – одна из важнейших примет юродства. Задумав юродствовать, человек оголяется. Нагота – символ души, но одновременно она олицетворяет грех, злую волю, бесовство. Это четвертый парадокс юродства.

V. Если идеальный костюм юродивого нагота, то идеальным его языком должно быть молчание. Однако безмолвие не позволяет выполнять функции общественного служения, во многом лишает смысла игровое зрелище. В этом заключается еще один парадокс юродства.

При чтении житий создается впечатление, что парадоксальность как бы самоцель для юродивого. В описании юродства парадоксальность

⁹ Д.С. Лихачев. А.М. Панченко, Н.В. Поньрко Смех в Древней Руси, Л., «Наука» 1984 г. с. 86

¹⁰ ИРЛИ. Древлехранилище. колл В.Н. Перстун 29, л. 515

выполняет функцию эстетической доминанты¹¹. Авторы и рассказчики выдумывают самые невероятные ситуации, чтобы подчеркнуть парадоксы юродства. Тот же Василий Блаженный на глазах потрясенных богомольцев разбил образ Божьей Матери на Варварских воротах. Оказалось, что под святым изображением нарисован черт.

Юродивый воюет с нищими, скоморохами и ряженными, частью той смеховой культуры, с которой он так тесно связан. Причем в таких случаях агиографы приписывают ему не только ригоризм, но даже жестокость.

Нельзя не отметить и тот факт, что юродство широко заимствует элементы фольклора. Иван – дурак похож на юродивого тем, что он самый умный из всех сказочных героев, а также тем, что мудрость его скрыта.

Из фольклора юродство заимствует и принцип загадки и притчи. Юродивый загадывает загадки зрителю. Этот момент отражен, например, в житии Андрея Цареградского. Его стал потчевать финиками «отрочище», красавец и шеголь. Андрей же сказал ему «Дара содомского родом похаби ясти не умеют». Тот не понял юродивого, посмеялся над ним. И тогда Андрей разгадал загадку: «Иди, неприазне, на ложе господина своего и делай с ним содомъский грех, и вдасть ти другыя финики»¹².

На протяжении почти шести веков институт юродства был единственной формой протеста на Руси. Кризис его начался тогда, когда протест достиг наибольшей силы и остроты – в третьей четверти XVII в. – в эпоху церковного раскола. Появилась оппозиционная старообрядческая партия, которая взяла на себя функцию обличения и тем самым ассимилировала юродивых. Они оказались как бы не у дел, исчезла исключительность их протеста. Умаление общественной роли юродивых было также следствием тех преследований, которые обрушили на них власть предрежашие. И хотя открыто выступить против этого издревле вкоренившегося в национальное самосознание феномена они не решались, критика юродства звучала все громче и громче. Прямой удар по юродству нанес только Петр I. Но, несмотря на репрессии, юродивые не исчезли. Высокие покровители у них находились всегда. Юродивые были даже при дворе последнего российского императора.

Юродство всегда сохраняло верность древнерусской традиции. Оно оставалось «серьезным» вариантом смехового мира, зрелищем «странным и чудным». Конечно зрителей у него поубавилось, но все-таки никакие указы, «именные» или синодальные, не смогли искоренить этот феномен русской культуры.

¹¹ Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Понырко Смех в Древней Руси. Л., «Наука» 1984. с. 104

¹² В М Ч., октябрь дни 1-3, стб 118-119